

Единственное отличие заключалось в том, что руки и ноги Вэй Чжао до сих пор оставались целыми и невредимыми, в отличие от прошлого, когда без посторонней помощи он даже не мог выйти из комнаты.

Они уже находились далеко от дворца, и Великой Яньши теперь было сложнее что-либо предпринять. Неужели это сделал Хэлянь Чжо? Но зачем? И чем Вэй Чжао мог его так разозлить?

И Инь долго размышлял и в конце концов пришел к выводу, что причина кроется в побеге Вэй Чжао. Помимо этого, он не мог представить, что еще могло бы довести Хэлянь Чжо до такого состояния.

Возможно, ему стоило найти подходящий момент, чтобы поговорить с Вэй Чжао, но как убедить его в чем-то, если сам он не до конца понимал ситуацию? И Инь почувствовал себя в затруднительном положении.

Ладно, ладно, лучше бы он просто пристальнее следил за Вэй Чжао, чтобы хотя бы понять, каков его план побега.

Если он сам смог переродиться, то судьба Вэй Чжао, возможно, тоже изменилась. Нельзя позволить себе быть пойманным в собственные сети.

К тому же, может быть, с Вэй Чжао изначально все было в порядке, а его необдуманные предупреждения только усугубили ситуацию. Это было бы полным провалом.

В середине третьего месяца Хэлянь Чжо, увидев, что раны Вэй Чжао почти зажили, отправил его и И Иня в поместье за городом.

На это Вэй Чжао не возражал. В конце концов, он был пленником Хэлянь Чжо, и для него дворец и поместье были одинаковыми тюрьмами. К тому же, с И Инем рядом дни не казались такими уж скучными.

Весна на севере приходила поздно, и разница температур между днем и ночью была огромной. Днем еще терпимо, но ночью было просто невыносимо холодно. Условия в поместье, конечно, не могли сравниться с дворцовыми. Не то чтобы дома были недостаточно уютными, но они плохо сохраняли тепло, а каны прогревались недостаточно.

Для всех, включая И Иня, такая температура была вполне комфортной — не слишком холодно и не слишком жарко. Но Вэй Чжао, только что оправившийся от тяжелых ран, был слаб и боялся холода больше, чем обычные люди, поэтому ему было трудно выносить это.

В первую ночь в поместье Вэй Чжао проснулся посреди ночи от холода. Он задумался, стоит ли попросить кого-нибудь разжечь каны посильнее.

Однако Вэй Чжао никогда не любил, чтобы в доме кто-то прислуживал. Во дворце, из-за настойчивости Хэлянь Чжо, по ночам в соседней комнате всегда спали две служанки. В поместье же красивых служанок не было, их заменили немые слуги, и Вэй Чжао отправил их спать в боковые комнаты.

Теперь, если он позовет кого-нибудь, немые слуги вряд ли услышат его. Но вставать среди ночи и одеваться он тоже не хотел.

В этот момент, при ярком свете луны, Вэй Чжао заметил спящего рядом И Иня. Его лицо было

румяным, дыхание ровным — очевидно, он не чувствовал холода.

Не удержавшись, Вэй Чжао протянул руку и потрогал его. Тело И Иня было теплым, совсем не таким, как его собственное, с холодными руками и ногами, которые никак не могли согреться.

Рядом был такой маленький источник тепла, зачем же Вэй Чжао искать что-то еще? Он осторожно откинул одеяло И Иня и притянул его к себе. Сразу стало гораздо комфортнее.

— М-м...

Тело И Иня внезапно оказалось в холодных объятиях, и он невнятно пробормотал что-то. Вэй Чжао подумал, что он вот-вот проснется, и затаил дыхание, сам не понимая, почему так нервничает.

Но И Инь просто перевернулся на другой бок и снова крепко уснул, чем немного напугал Вэй Чжао. Обняв его, он тоже вскоре погрузился в сон.

На следующее утро, проснувшись, И Инь с удивлением обнаружил, что спит вместе с Вэй Чжао. Неужели его сон стал настолько беспокойным, что он начал залезать в чужие постели?

Вэй Чжао лишь улыбнулся, ничего не сказав, а вечером повторил свой трюк. Через несколько дней И Инь заметил эту маленькую хитрость, но ничего не сказал. Вэй Чжао становился все ближе к нему, и в этом не было ничего плохого.

Жизнь в поместье была тихой и однообразной. Настоящий ребенок, возможно, заскучал бы, но И Инь с детства привык к одиночеству, поэтому легко адаптировался.

Каждое утро первым делом И Инь шел в конюшню доить кобылиц. Это не было прихотью Хэлянь Чжо, который не предоставил им слуг, а привычкой из прошлой жизни, без которой он чувствовал, что чего-то не хватает.

Принеся доеное молоко на кухню, И Инь занимался упражнениями во дворе. Это было его ежедневным ритуалом. Когда утренняя тренировка заканчивалась, ароматный чай с молоком как раз был готов. Вэй Чжао обычно уже вставал, и они вместе завтракали.

И Инь с рождения пил коровье и кобылье молоко, и даже после перерождения его вкусы не изменились. Он с удовольствием наслаждался им.

Вэй Чжао же не любил пищу с молочным привкусом. За все годы в Фуюе он, можно сказать, пресытился этим. Но, узнав, что молоко было добыто самим И Инем, он съел немного больше, чем обычно.

Утро было временем, когда Вэй Чжао учил И Иня читать. В Фуюе не было письменности, а бумага и кисти были редкостью, поэтому Вэй Чжао заставлял И Иня заучивать тексты наизусть: сначала «Триста тысяч», а затем различные конфуцианские классики. Он не объяснял их смысл, просто заставлял запоминать.

Объем текстов был невелик, и хотя И Иню это не нравилось, он никогда не говорил, что не хочет учить. Но однажды, когда он уже бегло декламировал «Весны и осени» на китайском, его вдруг осенило, и он почувствовал холодный пот на спине.

В прошлой жизни, поскольку Вэй Чжао не обращал на него внимания, а окружающие говорили на языке Фуюй, И Инь не знал китайского до того, как Лу Мин привез его в Юйцзин. Там его

даже высмеивали за это.

Но после перерождения он говорил с кормилицей на языке Фууй, а с Вэй Чжао — на китайском. Ведь Вэй Чжао тогда еще не учил его читать. Неужели он уже заподозрил что-то? И Инь был в отчаянии от своей невнимательности.

К счастью, Вэй Чжао никогда не упоминал об этом. И Инь мог только утешать себя тем, что, возможно, Вэй Чжао считал его вундеркиндом, который сам научился говорить на его родном языке. Но даже сам он не верил в это.

После обеда И Инь мог выйти на прогулку — это было особое разрешение Хэлянь Чжо. Хотя они жили в небольшом, ничем не примечательном поместье, Хэлянь Чжо расставил вокруг множество мастеров боевых искусств и строго запретил Вэй Чжао выходить за ворота.

Вокруг поместья были поля, а в десяти ли к востоку находился небольшой лес, где можно было поохотиться на фазанов или зайцев.

Хотя Фууй, в отличие от Телэ, не был полностью кочевым народом, их дети тоже росли на лошадях и начинали ездить верхом, как только начинали ходить.

И Инь не был исключением. У него была маленькая лошадь, на которой он мог кататься по полям, а иногда охотники брали его с собой в лес на охоту. Правда, его добыча всегда была результатом их помощи.

Если И Инь не выходил на прогулку, Вэй Чжао учил его боевым искусствам. Он был строг, а И Инь усердно занимался, и его прогресс был очевиден. Если бы Пэй Ди снова попытался подойти к И Иню, он бы точно получил еще больше.

По сравнению со скучной дворцовой жизнью, И Инь наслаждался свободой в деревне. Единственным минусом было то, что Хэлянь Чжо появлялся каждые несколько дней, и тогда его выгоняли в соседнюю комнату.

Хотя температура постепенно повышалась, и Вэй Чжао больше не нуждался в нем как в источнике тепла, И Инь все равно был недоволен. До каких пор этот негодяй Хэлянь Чжо будет мучить Вэй Чжао?

Если визиты Хэлянь Чжо были обычным делом, то отношение Вэй Чжао становилось все более загадочным. Он, казалось, стал мягче по отношению к Хэлянь Чжо, хотя это и не было явным, но тенденция к смягчению прослеживалась.

В тот день Хэлянь Чжо снова затеял с Вэй Чжао бурную ночь, и И Инь, сидя в соседней комнате, слышал их голоса, включая голос Вэй Чжао, который обычно старался сдерживаться.

Неужели Вэй Чжао смирился? И Инь не верил в это. Если бы он мог так легко сдаться, зачем тогда в прошлой жизни покончил с собой? Всего-то нужно было немного подумать и завоевать расположение Хэлянь Чжо, но он этого не сделал.

Весна в Фуые всегда была короткой, и вскоре уже можно было услышать приближение лета. На степях расцвели мелкие полевые цветы.

Именно в это время между людьми Фууй и Телэ на Великой степи Усу разгорелся конфликт. Сначала это были мелкие стычки, но постепенно они разрастались, становясь все более серьезными.

Ведь эта степь на протяжении более двухсот лет до сорокового года Юнцзя принадлежала Фуюй. Телэ захватили ее только в прошлом году у Великой Янь. Хэлянь Чжо мог молчаливо согласиться с этим ради общего блага, но простые люди Фуюй не хотели мириться.

С осени прошлого года и до настоящего времени пастухи Фуюй продолжали пасти скот на Великой степи Усу.

<http://bllate.org/book/16486/1498029>